

лит. запись

Москва, 1967,
18 окт.

М. БЕРНЕС

народный артист РСФСР

ОДИН ИЗ «ДВУХ БОЙЦОВ»

В ОФИЦИАЛЬНОЙ справке о фильме «Два бойца» говорится: «Производство Ташкентской киностудии». Формально, так сказать, по географическому признаку правильно. Однако эта лента — результат совместной работы творческих коллективов трех студий — Киевской, «Мосфильма» и Ташкентской.

Ташкент сорок второго года для кинематографистов, да и для театральных работников, был средоточием крупнейших творческих сил. Здесь можно было встретить режиссеров и актеров всех рангов, начиная от прославленных мастеров до дебютантов. Каждый режиссер имел возможность широкого выбора актеров для своей картины. Съемки шли от восхода до захода солнца, а узбекское солнце неохотно покидает небосклон.

Выпускались боевые киноборники, в которых принимал участие и я, военные фильмы с бесчисленными атаками, контратаками, сценами сражений.

И вдруг на студию пришел сценарий совершенно иного плана! Случилось парадоксальное. Несмотря на кажущуюся камерность содержания фильма, в нем открылся широкий мир человеческих взаимоотношений, мир подлинной суровой солдатской дружбы.

Редкий зритель не знает ленты «Два бойца», созданной сценаристом Е. Габриловичем по повести Льва Славина «Мои земляки». В фильме два главных героя — медлительный, несколько тяжеловесный, удивительно чистый духовно уралец Свинцов и колоритный южанин, одессит Дзюбин.

Вопрос с актером на роль Свинцова был решен сразу. Как-то само собой разумелось, что Свинцов — Б. Андреев. А вот вокруг Дзюбина завязался настоящий, по-фронтовому жаркий бой. Постановщик фильма Л. Луков устроил на эту роль самый свободный конкурс. В нем могли принять участие все актеры, независимо от цвета волос, тембра голоса и т. д.

Пробы шли в течение двух недель. Признаться, в этом «состязании» я принял участие без всякой надежды на успех, а следовательно, и без волнений. Просто так, на «а вдруг!», как покупают лотерейный билет.

Позже Л. Луков объяснил, почему он выбрал меня. На эту роль можно было бы взять уже известных характерных актеров. Ну, хотя бы П. Алейникова или Н. Крюкова. Но как раз такая индивидуальная характерность могла «задавить» образ Дзюбина. Нужен был актер прежде малоприметный, может быть, еще не установившийся, не нашед-

ший себя, чтобы в нем, как на фотопленке, проявился раньше невидимый Дзюбин.

Сразу же после проб у нас с Б. Андреевым началась настоящая солдатская жизнь. Мы получали солдатский паек, надели солдатское обмундирование. Я ходил по госпиталям, искал южан, чтобы учиться их диалекту, подружился с колоритнейшим балаклавцем — раненым моряком, который имел столько боевых орденов, что, право, всех я не запомнил. И все-таки образ не получался. Дзюбина не было. Шли уже разговоры о том, что во имя спасения фильма нужно срочно искать мне замену. Я не мог не согласиться...

Помню, от усталости и безразличия ко всему я зашел в парикмахерскую, которую прежде избегал. Там работали молодые, совершенно неопытные мастера. Дебушка занялась стрижкой, а я обдумывал свою вторичную просьбу к военному отправить меня на фронт. Стрижка закончилась, я взглянул в зеркало и... увидел Дзюбина. Да. Это был он, с характерным одесским начесом, насмешливым прищуром глаз. Тот самый Дзюбин, который все-таки эти дни жил во мне, но носил чужую прическу, чужое лицо, а сейчас, словно освободившись от грима, стал самим собой. И виновницей этого открытия была девчонка-парикмахерша, так и не узнавшая никогда, какое чудо она совершила.

Дома жена меня встретила испуганным возгласом: «Боже, что с тобой сделали?» Вскрикнул и Луков, увидев меня на съемке: «Наконец-то нашел! Нашел!»

Теперь и днем, и ночью, и дома, и на улице я оставался Дзюбиным. Впоследствии я убедился, как трудно было мне вновь обрести свой прежний язык. Даже сейчас, когда прошло четверть века, нет-нет, да у меня порой невольно прорываются «одесские» интонации. Самое любопытное в этой истории, что до фильма «Два бойца» я не знал ни Одессы, ни одесситов...

Очень популярной стала песня из фильма «Темная ночь». Она не была предусмотрена сценарием, родилась стихийно, по ходу съемок и оказалась большой удачей композитора Никиты Богословского.

Интересных эпизодов в те дни и в моей жизни, и в жизни всей съемочной группы было немало. Но суть, конечно, не в них. Суть в той атмосфере творческого и идейного единства, которая помогала художественной интеллигенции, находившейся в Ташкенте, чувствовать себя солдатами. Фильм «Два бойца» и имел поэтому такой большой успех.